

Конференция «Извлекаем ли мы уроки из истории? Культура памяти как путь к европейскому взаимопониманию», Варшава, 27.10–30.10.2016

Организатор: Международный образовательный центр в Дортмунде (IBV Dortmund)

Помнить или забыть. Об истории культуры памяти в Федеративной Республике Германия

(Перевод с немецкого)

Проф. д-р Гельмут Кёниг (Helmut König), Рейнско-Вестфальский технический университет Ахена (RWTH Aachen)

Предисловие

Я политолог и политический философ и буду иногда говорить о каких-то общих и основополагающих вещах – так, собственно, и сформулирована моя тема. Во всяком случае, в первой части заглавия. Но потом, в течение доклада, я буду постепенно более конкретным и перейду к развитию культуры памяти в Федеративной Республике Германия. Конечно, я надеюсь, что мои идеи, наблюдения и размышления будут полезными для рассмотрения проблем и в других местах в мире, особенно в странах, о которых пойдет речь на этой конференции.

В своем выступлении я хотел бы остановиться на пяти следующих вопросах или аспектах – на некоторых очень коротко, на других чуть подробнее:

1. Что есть память, что есть воспоминания? Человек как животное, обладающее памятью.
2. Нужна ли государствам память и, если да, то в какой мере?
3. Как государства поступают с тяжелым наследием своего прошлого? О трудностях начала.
4. Что лучше: помнить или забыть?
5. Пример Федеративной Республики Германия.

1. Что есть память, что есть воспоминания?

Память – индивидуальное человеческое свойство. Только у человека есть для этого нейронная основа. Под памятью мы понимаем способность представить себе что-то отсутствующее, прошедшее.

Нам нужна эта способность, чтобы в принципе думать, говорить и уметь приобретать знания. Мы все должны быть в некоторой степени уверены, что, используя слово «дерево», мы вызываем в памяти нечто схожее. Причем мы это делаем, не видя реального дерева или его изображения и не показывая на него. Дерево отсутствует, но, если кто-то говорит о дереве, мы все же знаем, что имеется в виду. То есть мы делаем так, что что-то отсутствующее становится чем-то присутствующим. Философы, например Иммануил Кант, называют это «силой воображения». Она очень связана с памятью. Это значит: без воображения и памяти не было бы ни познания, ни знаний, ни общения.

Нам нужна память также в выходящем за эту познавательную функцию смысле. Она нужна нам, чтобы быть персонами, личностями, то есть людьми, которые обладают идентичностью. Мы говорим об идентичности, если сегодня мы узнаем себя в тех, кем были вчера и позавчера. К этому же относится то, что мы сегодня еще знаем или сохраняем в памяти, что мы вчера делали, совершали, обещали. Только потому, что у нас есть память, мы можем обладать «идентичностью». Только потому, что у нас есть память, мы в некоторой степени надежные и общественные существа. Если кто-то

сегодня не помнит, что он сказал, обещал, на что согласился вчера, тогда социальное сосуществование с ним невозможно.

Идентичность, таким образом, означает: при любых изменениях оставаться одинаковым, оставаться одинаковым в изменениях. Мы меняемся, становимся старше, видим сегодня вещи, проблемы и факты иначе, чем вчера или позавчера. Но при всех изменениях мы все же остаемся самими собой.

Это имеет также и моральное измерение (то есть актуально для вопроса о добре и зле): сегодня мы должны вести себя так и вчера должны были вести себя так, чтобы и завтра мы могли сказать, что нам не приходится стыдиться сделанного вчера. Самый большой противник морального поведения, обоснованного таким образом, – это ложь (которая именно поэтому беспокоила и Канта). Я могу выбраться из моральных тисков с помощью самообмана, утверждая: «Это был вовсе не я».

Фридрих Ницше зафиксировал это в одном известном замечательном афоризме: «„Я это сделал“, – говорит моя память. „Я не мог этого сделать“, – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов, память уступает».

Наличие памяти всегда означает: то, что уже закончилось, прошло, одновременно и не закончилось, и не прошло – мы сохранили это в памяти. Ничего не закончилось, что прошло, это действует дальше, это, хотя оно фактически прошло, все еще присутствует, все еще настоящее.

Важно уяснить, что память с ее специфическими способностями, с одной стороны, может нас осчастливить и сделать гордыми, но, с другой стороны, может нас очень обременить и сделать несчастными. Мы всегда охотно вспоминаем о делах и событиях, в которых мы были героями, которыми мы можем гордиться. Значительно менее охотно мы вспоминаем о ситуациях и событиях, в которых мы оказались несостоятельными, поступали позорно, проявляли малодушие, совершали преступления, не выступали против несправедливости и так далее. И тогда мы страдаем под бременем прошлого, возможно, даже разрушаемся под его тяжестью и становимся недееспособными. Власть прошлого в таком случае настолько велика, что она делает нас не способными к действию в настоящем. Тогда мы имеем дело с отягощающим наследством. И возникает вопрос, как нам быть с таким наследством. И это относится как к отдельным людям, так и к государствам и обществам.

2. Нужна ли государствам память и, если да, то в какой мере?

Мой ответ: да, государства и (говоря в общем) политические системы обладают памятью и нуждаются в памяти, имеют воспоминания и нуждаются в воспоминаниях.

Конечно, у них отсутствует нейронная основа – не существует головного мозга у общества или государства. Но все общества и государства разрабатывают свой образ, представление о себе, или, говоря в более общих чертах, они внутри себя договариваются о том, как они себя видят и как хотят жить. Эта память проявляется на письме и в языке, но, прежде всего, в образах, она выражается в топографии (ландшафтах), памятниках, архитектуре, праздниках, днях памяти и так далее.

Сюда входит также то, что государства к их прошлому должны как-то относиться: они либо одобряют свое прошлое, либо отвергают его.

И точно так же, как в случае каждого человека, государства и политические системы/союзы охотнее вспоминают о приятном в своем прошлом, чем о неприятном и угнетающем. Великие и позитивные события прошлого делают государства гордыми и уверенными в себе. И наоборот, негативные события неприятны, тяготят, заставляют стыдиться. О них государства вспоминать не любят. Они как раз предпочитают их забыть и не допустить их до нашего сознания. То, что я пояснил на примере афоризма Ницше, подходит также для государств.

Сегодня мы в Европе говорим – и это вынесено в название конференции – о культуре памяти. И имеем мы в виду, в сущности, следующее: что о тяжелом прошлом в XX веке мы вспоминаем по возможности открыто и непредвзято, что мы им занимаемся – страшным тотальным господством, изгнаниями, жутким насилием, уничтожением европейских евреев, ужасами сталинизма и коммунизма. Таким прошлым мы не можем гордиться – как это было бы возможно? Но в то же время очевидно, что и просто забыть его и оставить в покое мы не можем.

«Культура памяти» означает, что мы должны об этом прошлом помнить, должны его критически осмыслить, иначе нельзя. Тогда возникает вопрос: сколько воспоминаний об этом жестоком прошлом нам нужно и сколько их мы можем вынести?

В государствах это связано не только с вопросом культуры, то есть тематическим отражением этого тяжелого прошлого в фильмах, пьесах и романах или же в памятниках, школьных и университетских программах и на конференциях. С этим связано и множество вопросов юридического, морального, политического характера.

Юридические. Это вопрос справедливости и несправедливости: должны ли преступники и ответственные лица предстать перед уголовным судом? То есть можно ли с этой проблемой справиться юридически с помощью уголовного права?

Моральные. Это всегда вопрос о добре и зле: что означает пережитое насилие для нашего представления о морали? Как поступаем мы со злом? Какие объяснения морального, психологического или, возможно, религиозного толка мы для этого находим и что из этого следует для нашей самооценки?

Политические. Здесь речь об институциональной структуре общества: как должен выглядеть политический строй, который сведет к минимуму вероятность возвращения деспотии, тирании, террора, угнетения, войны, гражданской войны? Как можно гарантировать на длительное время «систему свободы»? И что лучше: санкции в отношении преступников или же великодушное отпущение грехов, забывание, прощение, «забудем об этом»?

Государства, конечно, не только «сообщества памяти» (Макс Вебер). Они состоят не только из истории, из образа, который они создают себе на основе истории. Они к тому же выполняют много функций и решают вполне практические задачи – они должны заботиться о борьбе с криминалом, об энергообеспечении, о состоянии улиц и дорог, независимости юстиции, здравоохранении, образовании и так далее. Для этого, собственно, память не нужна. Для этого нужно открытое общество, то есть общество, которое позволяет называть вещи своими именами и вместе, конкурируя и кооперируясь друг с другом, искать наилучшее решение проблем. Для этого необходимы компетентность и технические знания, организационный талант и способности управления, разумные законы и постановления, чтобы решить очередные проблемы и достичь того, что можно назвать – скорее, в техническом и экономическом смысле – благоустроенным обществом.

Разумное, благоустроенное государство включает в себя три элемента: 1. Общую память – о примерах и идеалах, но также о бремени и темных сторонах собственной истории. 2. Компетентность, открытость, способность адекватно и прагматично решать экономические и общественные проблемы. 3. Политические институты, обеспечивающие систему свободы, которая позволяет как можно большему числу людей участвовать в регулировании общественных вопросов.

3. Как государства поступают с тяжелым наследием своего прошлого?

В истории заключения мира после войн и гражданских войн, а также после освобождения от диктатур и тираний всегда есть два разных подхода к прошлым

насильственным преступлениям. Со времен Древней Греции до Первой мировой войны действовал принцип прощения и забвения, то есть амнистии и амнезии.

Первое известное в истории применение этого принципа – афинская амнистия 403 года до н.э. С тех пор в большом количестве случаев этот принцип применялся.

Вестфальские мирные соглашения – Мюнстерское и Оснабрюкское, подписанием которых завершилась Тридцатилетняя война, уже в своих вступительных статьях ссылались на этот принцип. И в Заключительном акте Венского конгресса 1815 года в статье XI говорилось: «Должна вступить в силу полная, всеобщая и особая амнистия в пользу всех лиц, какого бы звания, пола или положения они ни были». На языке образованной буржуазии, на латыни, этот принцип (он восходил к нидерландскому юристу Петрусу Гуделину (1550–1619)) означал: *In amnestia est substantia pacis* («В амнистии – суть заключения мира»). На языке нынешней молодежи это звучит как «Забудь».

Этого принципа прощения и забвения больше не существовало с момента заключения Версальского мирного договора в 1919 году. Там впервые в таком значительном договоре вместо амнистии и амнезии внесли совсем другие определения: известные санкционные статьи с 227-й по 230-ю и пресловутая «статья признания вины» 231. С этого момента ничто не мешало применению принципа памяти и наказания. После окончания Второй мировой войны этот принцип взял верх в ФРГ и потом также по всему миру. Теперь насильственные преступления государств не являются больше судьбой, на которую можно только уповать и которую можно только забыть. Это несправедливость, за которую наказывают и которую не забывают. Уголовное преследование за преступления и культура памяти неотделимы друг от друга.

Культура памяти означает: утверждение дней памяти и поминовение жертв, установку памятников и возведение мемориалов и музеев, создание фондов и учреждений, обсуждение Холокоста и ГУЛАГа в школе и в рамках гражданского образования.

4. Что лучше: помнить или забыть?

О чем здесь идет речь? Что есть цель? Память, которая входит в словосочетание «культура памяти», – самоцель? Стратегия забывания, стратегия *oblivio* и *amnestia* не является ли заслуживающей сомнения при обращении с тяжелым прошлым?

Многие в Германии говорили и говорят: то, как интенсивно, подробно, вновь и вновь мы занимаемся преступлениями, которые совершили наши предки, – это перебор. Мы должны оставить это в покое, мы должны это забыть. В этом случае забывание не слабость, не недостаток, то есть, когда мы так говорим, мы не страдаем от потери памяти. В этом случае забывание было бы некой активной, позитивной способностью, которую мы должны были бы поддерживать, развивать, культивировать.

История культуры памяти в ФРГ была чрезвычайно конфликтной. С ней связаны постоянно повторяющиеся яростные споры – между политическими партиями, между поколениями, в науке, в общественно-политических дискуссиях. Сюда относятся, к примеру, ожесточенные конфликты вокруг так называемой новой восточной политики во времена бундесканцлера Вилли Брандта, Московского договора и Варшавского договора в 1970 году и произошедшее в связи с ними признание границы по линии Одер–Нейсе как западной границы Польши и о коленопреклонении Вилли Брандта 7 декабря 1970 года перед Памятником героям Варшавского гетто, – это только некоторые события, непосредственно связанные с немецко-польскими отношениями. Внутриполитические конфликты в связи с новой восточной политикой – одни из самых серьезных из тех, что вообще были в истории Федеративной Республики Германия, с чуть не случившимся вотумом недоверия в апреле 1972 года и новыми выборами после просчитанного Вилли Брандтом и заведомо обреченного на неудачу вопроса о доверии

(он был поставлен Брандтом в бундестаге намеренно, чтобы проиграть, распустить парламент и назначить новые выборы.— прим. перев.)

Конфликты вокруг политики памяти всегда – если не принимать во внимание детали – конфликты вокруг основополагающего вопроса: «Хорошая память полезна или вредна?» Тот, кто быстро забывает совершенные в прошлом ошибки, совершит их вновь? Или же он будет вовсе неспособным к действию и только потому не сделает никаких ошибок, что он вообще ничего не будет делать, впав в депрессию? Если мы ничего не будем забывать, станем мы особо злопамятны и мстительны или же, наоборот, благодаря этому сможем защитить себя от повторения старых ошибок?

Мой ответ на основополагающий вопрос такой: «Мы не должны так противопоставлять память и забывание. Если мы что-то намеренно хотим забыть, мы должны сначала очень точно вспомнить то, что мы хотим забыть». Тот, кто требует активной забывчивости, обязан обозначить, что именно должно быть забыто. То есть он должен допустить также и воспоминания. Иначе забывание станет отрицанием.

Но сюда добавляется еще один взгляд на проблему. Во время Первой мировой войны и потом, в особенности во время Второй мировой, была такая враждебность и в мире возникли такие вещи, которые путем только усилия их забыть и простить, *oblivio et amnestia*, не могут быть устранены. И тогда не остается ничего иного, как помнить и таким образом лишить прошлого его власти и влияния на настоящее. Речь идет об интеграции тяжелого, травмирующего прошлого в собственную историю. Это должно привести к тому, что жизнь перестанет неуклонно и постоянно вращаться вокруг стыдного и тревожащего события, что дальнейшая жизнь, дальнейшее существование не затвердеют в одном состоянии – продолжении страдания от прошлого.

5. Пример Федеративной Республики Германия

Для грубой ориентации можно различать несколько рубежей, этапов, стадий. Я различаю четыре фазы.

Первая: Послевоенный период (непосредственно после окончания войны).

Вторая: 1950-е годы.

Третья: «Длинная волна» культуры памяти в период между 1960-м и 1990 годом.

Четвертая: Новая Федеративная Республика после 1989/1990 года.

Я хочу эти четыре фазы немного осветить, объяснив, чем они отличаются и что их характеризует.

(1) Послевоенный период

Это время между окончанием войны и созданием ФРГ. Интересно, что тогда действительно были интенсивные дебаты по вопросу вины и о том, как квалифицировать этот беспрецедентный политический и моральный крах Германии и как он стал возможен.

Многие журналы писали на эту тему – важно было, что снова появилась свобода слова и печати, люди безбоязненно и открыто могли сказать, что думают. Снова стала возможна свободная общественная дискуссия, учителя, школьники, студенты, профессора, писатели, деятели искусства вновь могли высказать свое мнение. И они активно пользовались этим.

Но если смотреть из сегодняшнего дня, очевидно, что было много растерянности. Сетовали на немецкую катастрофу, закат Европы, отход от Бога, требовали моральных изменений, внутреннего преобразования и обновления. Статьи на эту тему, за редким исключением (к примеру, работа «Вопрос о виновности» Карла Ясперса), имели черты нравоучения и были не очень конкретны. Они не отвечали на вопрос, а что, собственно, надо делать сейчас.

(2) 1950-е годы: время Аденауэра

Это фаза после образования ФРГ ознаменовалась тем, что на прошлое накинули покров молчания: не говорить об этом. «Забудем об этом!» – таков был девиз.

В первом заявлении правительства Аденауэра от 20 сентября 1949 года было написано: «Федеральное правительство решило там, где ему кажется допустимым, дать прошлому пройти – будучи убежденным, что многие за личную нетяжелую вину расплатились». Так, кстати, виделось не только внутри страны, но и за рубежом. Черчилль в своей легендарной речи о необходимости объединенной Европы в Цюрихе в 1946 году говорил о неотъемлемом «благотворном акте забвения»: «Если Европа должна быть ограждена от бесконечного страдания и, в конце концов, от заката, тогда европейская семья народов должна совершить этот акт доверия и этот акт забвения по отношению к преступлениям и безумствам прошлого».

В 50-е годы существовала некая двойная стратегия при обращении с национал-социалистическим прошлым. Она означала: виновные и сторонники национал-социалистической партии не были привлечены к ответственности за содеянное, а были интегрированы в новый государственный порядок. Но в то же время сторонники этой партии и убежденные нацисты больше не могли представлять в общественном пространстве прежнюю идеологию (если они все еще ее придерживались). Они должны были сидеть тихо и молчать. Но это касалось не только их, но и другой стороны – стороны жертвы и людей, преследуемых прежним режимом. Вчерашние преступники не были привлечены к суду. Мало кто интересовался этим прошлым.

Но тогда же стало ясно, что новая Федеративная Республика в своем представлении о себе однозначно дистанцировалась от периода национал-социализма и от нацистского режима и видела себя полной противоположностью тотальной власти нацистов.

(3) «Длинная волна» культуры памяти в период между 1960-м и 1990 годом

Эта фаза начинается 24 декабря 1959 года. В Кельне была осквернена только что освященная синагога – на ней изобразили свастику. Это привлекло большое общественное внимание и вызвало обсуждение, особенно за рубежом. Опасались, что в Германии может воскреснуть зловещий дух прошлого. Постепенно возникала интенсивная дискуссия, дошло до судебных процессов. Началось все с нашумевшего процесса в Иерусалиме, в Израиле, – против Адольфа Эйхмана. (Он был в 1960 году похищен из Аргентины, и в Иерусалиме состоялся процесс над ним – он был приговорен к смерти; в 1963 году вышла знаменитая книга Ханны Арендт об этом процессе).

В Германии тоже начались судебные процессы. К примеру, во Франкфурте так называемый Освенцимский процесс, позже – процесс в Дюссельдорфе над работавшими в лагере Майданек. Писатели описывали это время. Например, Рольф Хоххут в известной драме «Наместник», в которой обличалась жалкая роль Папы и несостоятельность Католической церкви во времена национал-социализма. В бундестаге состоялись дебаты о сроке давности привлечения к ответственности за преступления национал-социализма. В университетах шли ожесточенные дискуссии, в которых студенты указывали профессорам на их прошлое и задавали критические вопросы – что университеты и наука, собственно, делали во время нацистского режима. Ответ на это был: «Это вовсе не славная страница истории».

В этот период – с 1960-го по 1990-й – было много серьезных конфликтов и обвинений. Споры протекали вовсе не мирно и гармонично. Они были жесткими, часто нечестными, очень эмоциональными. Они были связаны со злобой, с возмущением, жалобами и обвинениями. Широко известным стал так называемый спор историков в 1986–1987 годах. Широкою известность получила и речь федерального президента

Рихарда фон Вайцеккера 8 мая 1985 года. Тогда стало понятно, что память о национал-социализме и дистанцирование от него – главная задача политической культуры Германии. Это так и осталось с тех пор.

(4) Новая Федеративная Республика после 1989/1990 года

Это потому новая фаза, что центральным стал вопрос, как нам быть с прошлым ГДР, с несправедливостью, что царила во времена ГДР, прежде всего, с тайной полицией Штази, в результате деятельности которой негодные попадали в тюрьмы или вынуждены были покидать страну, что над ними издевались как только можно. Или как быть с пограничниками, которые, охраняя внутригерманскую границу, стреляли в тех, кто бежал из ГДР... Эти вопросы в тот период были более важными и неотложными. И на этом фоне работа по критическому осмыслению национал-социалистического прошлого отошла на задний план.

В этом – если выйти за рамки случая Германии – проявляется принципиальная проблема культуры памяти в Европе, имея в виду европейскую интеграцию с 1989 года. Вопрос заключается в том, как оцениваются три центральных события в истории насилия XX века: Катастрофа еврейского народа (Шоа) или Холокост, ГУЛАГ или сталинизм и Вторая мировая война. Современные конфликты и будущее развитие культуры памяти в Европе зависят от того, как будут трактоваться внутренняя связь, приоритет, иерархия значимости этих трех событий XX века.